

АНДРЕЙ ЛОМАЧИНСКИЙ

ВЫНОС МОЗГА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л74

Дизайн серии Александра Воробьева

Ломачинский, Андрей Анатольевич.
Л74 Вынос мозга / Андрей Ломачинский. — перераб.
изд. — Москва : Издательство АСТ, 2027. — 256 с. —
(Медицинские хроники).

ISBN 978-5-17-191862-0

В пустом вагоне ночной электрички обнаружено тело молодой женщины. Документов нет. Видимых следов насилия нет. Кто она? Что случилось? На все вопросы ответит врач, судебно-медицинский эксперт.

Как вылечиться от рака? Может ли патологоанатом спасти жизнь? Чем смертельно опасны комнатный фикус и обыкновенный лавровый лист? Все эти истории — забавные и трагические, поучительные и шокирующие — происходили на самом деле. Андрей Ломачинский работает судмедэкспертом уже тридцать лет. По его сценариям снимают несколько популярных телесериалов в США. Наконец-то его истории сможем оценить и мы.

**УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-17-191862-0

© Ломачинский А. А., 2027
© ООО «Издательство АСТ», 2027

РАССКАЗЫ СУДМЕДЭКСПЕРТА

Лекарство от рака

В конце 1970-х в городе Выборге жили-были два врача — доктор Райтсман и доктор Кузнецов. На чём специализировался доктор Райтсман, я забыл, а вот специализацию доктора Кузнецова я буду помнить до самых глубоких седин старческого маразма. Онколог он был. Причём если верить материалам того уголовного дела и документам, присланным на судебно-экспертную медицинскую оценку, то онкологом он был классным. Никаких диссертаций не писал, но в части практического лечения многих злокачественных заболеваний, да и по теоретическим знаниям, доктор Кузнецов запросто мог составить конкуренцию какому-нибудь периферийному профессору из областного мединститута. Коллеги о Кузнецове давали самые положительные отзывы: взятки не брал принципиально, специальную литературу читал тоннами, в консультациях не отказывал, а когда консультировал, то нос не задирает и был всегда профессионально честен — слов «этого я не знаю» не боялся. Добрый, по характеру уравновешенный, жизнью доволен, хороший семьянин, никаких психопатологических выходов за всю жизнь этого доктора не зарегистрировано. От пациентов отбоя не было, а сами пациенты и их родственники только гимны славы этому доктору пели — лучший критерий оценки любого врача. Одним словом, как тогда говорили, достойный советский человек.

Доктор Райтсман и доктор Кузнецов были близкими друзьями. Дружили семьями, прочно и долго. Дети в этих семьях друг друга с раннего детства знали, и отношения у них были как у близких родственников. Жёны ни одного праздника не помнили, чтобы порознь. Даже отпуска подгадывали так, чтобы отдыхать общей большой компанией. Да и увлечения у этих докторов были одни и те же — любили выходы на природу, особенно по грибы и на охоту на боровую дичь.

На здоровье друзья не жаловались, хоть оба смолили «Беломор» как сапожники. Ну и, разумеется, у обоих были хронические бронхиты заядлых курильщиков — периодически друзья выслушивали друг у друга свистящие хрипы в лёгких и шутили на тему сапожников без сапог. Такое наплевательское отношение к собственному здоровью было весьма распространено в интеллигентной провинциальной среде того времени.

И вот пришла семья Райтсманов в дом Кузнецовых встретить Новый год. «Советское шампанское» на столе, лучшие коньяки и деликатесы — не взятки, а знаки почтения от благодарных больных. По телевизору Брежнев поздравление отшамкал, часы бьют двенадцать. Все поднимают фужеры и пьют первый тост за наступивший. Улыбки, радость на лицах, предвкушение хорошего застолья. Но через минуту доктору Райтсману становится плохо — он бледнеет и бежит в туалет. Там его скручивает сильный желудочный спазм, а минутой позже приходит облегчение в виде рвоты. Доктор Кузнецов без всяких церемоний открывает незапертую дверь, входит и смотрит в унитаз. Там свежевыпитое шампанское с прожилкой крови. Новогодний вечер ис-

порчен: рвота с кровью без причины — всегда тревога для онколога.

Без всяких церемоний Кузнецов заводит друга в спальню, просит раздеться и лечь на кровать. Пальцы привычно утопают в ставшей податливой передней брюшной стенке. Мнёт Кузнецов живот другу и становится всё серьёзней и серьёзней. Долго мнёт. Жёны за стол зовут, хватит, мол, с кем не бывает. Перестаньте, мужики, друг на друга страх нагонять. Идите коньячку по маленькой — всё как рукой снимет! Не слушает доктор Кузнецов, злой стал, орёт, чтоб не мешали. Пошёл периферийные лимфоузлы пальпировать, лезет в пах, давит под мышками и над ключицами. А в одной из надключичных ямок непонятный желвачок. Хватает стетоскоп и долго слушает лёгкие. Потом основательно выстукивает грудную клетку. И начинают дрожать пальцы у доктора Кузнецова... «Ладно, пошли к столу. Пить не советую, и кушай умеренно. Завтра с полудня ничего не есть, с шести вечера и жидкости не пить, а второго числа с самого утра ко мне в кабинет».

Второго января с утра первый раз в своей жизни доктор Кузнецов послал куда подальше своих плановых больных. Регистратура обозлилась, да высок был кузнецовский авторитет. Кому талончики переписали, кого, несмотря на протесты, к другим докторам направили, кого попросили подождать. Всё утро возился доктор со своим другом. Лично водил на рентген и в лабораторию. Принёс рентгенологу бутылку «Наполеона», давно стоявшую музейным экспонатом дома, а после разговора с завлабораторией оставил на столе коробку «Пиковой дамы». Среди коллег такие вещи не популярны, сотрудники подарки принять отказываются — принцип «ты

мне, я тебе» дороже. Отнесли подарки назад и отдали медсестре, что в кабинете у онколога сидела.

Наконец вернулся Кузнецов к себе в кабинет и сразу за телефон. На весь Выборг тогда единственный эндоскоп имелся. Эндоскоп — это такая штука, которой через рот в желудок залезть можно, посмотреть, что там творится, ну и биопсию взять, отщипнуть кусочек тканей на анализ под микроскопом. Звонит эндоскописту, просит немедленно принять больного Райтсмана. Эндоскопист тоже весь день скомкал, но раз уж сам Кузнецов просит, то будет сделано. Затем хирургу звонит: другу моему нужно срочно лимфоузел из надключичной ямки вырезать, опять же на гистологию. Затем патологу — ставь на уши всю свою патогистологическую лабораторию, а мои анализы в первую очередь! И тот согласен. Ещё просит несколько дополнительных стёклышек с прокрашенными тканями подготовить — для собственного изучения и если кому на консультацию послать придётся. И это будет сделано. Надо сказать, что доктор Кузнецов сам микроскопа не чурался. Стоял у него в кабинете отличный бинокляр, и стоял отнюдь не для мебели. Частенько Кузнецов у него просиживал, изучая сложные тканевые изменения с подозрением на малигнизацию.

Всё, что надо доктору Райтсману, сделали. Как никогда быстро все результаты легли на кузнецовский стол. Остался Кузнецов после работы, обложился атласами по онкологической патологии и стал смотреть препараты тканей своего друга. Сидел за микроскопом допоздна, иногда переводя глаза с микрополя на матовый яркий экран на стене, где висели многочисленные рентгеновские снимки больного Райтсмана. Опустила

поликлиника, вот уже и дежурному терапевту пора уходить. дождался Кузнецов, когда тот примет последнего больного, и заходит к нему в кабинет. Такой просьбы от Кузнецова никто из коллег не помнил, хотя то, о чём доктор попросил, считалось делом обычным. А попросил он для себя банальный больничный на три дня с диагнозом ОРЗ. Сказал честно, что в Ленинград съездить надо — срочно и по личному. Друг Райтсман дома тоже на больничном маялся, но этому законно выписали открытый лист — без указания даты, когда на работу являться.

Собрал Кузнецов свои записи, все рентгенограммы, микропрепараты и другие анализы и принёс всё домой. Рано утром набил вторую сумку лучшим коньяком, сел в электричку и покатил в Ленинград. Хотя и не занимался этот доктор наукой, но многих знакомых в научных кругах имел. Остановился на три дня у кого-то из них. За это время своей «болезни» успел пройтись по светилам онкологии из 1-го меда, зашёл на кафедру патанатомии в Сангиге, сходил к коллегам в Онкоцентре. Везде народ только недоумение выражает. Мол, ну чего ты к нам с такой элементарщиной припёрся? Ты ведь сам классный специалист, какие ещё у тебя могут быть сомнения? Задача для студентов-второкурсников — элементарная, типичная аденокарцинома! Злокачественная опухоль тканей желудка. А раз имеются метастазы в лёгких и по всем лимфоузлам, то и диагноз проще пареной репы — рак четвёртой стадии. Прогноз больного однозначный — сливайте воду, выходите в тамбур, приехали. Следующая остановка — кладбище. Никто ничем помочь не может. Поздно. Давно поздно. Слушает эти очевидные истины доктор Кузнецов,

а у самого в глазах слёзы. Да всё было ясно и понятно, только ведь друг это — на чудо надежда была...

Здесь уместно сделать одно лирическое отступление. Точнее, не лирическое, а бульварно-популяризаторское. Пусть медики снисходительно улыбнутся, зато остальным понятнее будет. То, что рак — это клеточная мутация, все знают. Но это не совсем верно. Каждую секунду в нормальном человеческом организме происходит более двух миллионов изменений хромосомного аппарата, однако двумя миллионами раков в секунду мы не заболеваем. Большинство мутаций не опасны, и хромосомные поломки чинятся, не выходя из клеточного ядра, — есть специальные репарационные механизмы нашего генного аппарата клеток. Но некоторые мутации «прорываются», что, в общем, тоже не проблема. Иммунная система стоит на страже — такие клетки-изменники быстро отыскиваются лимфоцитами и моментально уничтожаются как предатели. Разные лимфоциты работают в нашей иммунной опричнине, есть там и высокоспециализированные следователи, и штатные палачи. Прямо так и называются: Т-киллеры, это научный термин, а не жаргон. Так вот, эти киллеры без других типов лимфоцитарных клеток беспомощны. Не видят они клетку-мутанта. А вот почему не видят — вопрос открытый. Если кто на него ответит — это Нобелевская премия в области медицины и золотой памятник при жизни от всего благодарного человечества.

Понятно теперь, почему рак — это не только и не столько мутация, сколько брешь в системе «свой-чужой»? Как только принял организм мутировавшую клетку за нормальную, та сразу начинает своё простое

быдлярче дело — жрать, гадить, безудержно размножаться и ломать всё вокруг. На начальной стадии такую опухоль можно вырезать. Есть в онкохирургии одно святое правило: маленький рак — большая операция, большой рак — маленькая операция. Ну а на последней стадии, когда опухоль распространила метастазы, операция зачастую совершенно бесполезна. Так, кое-какая терапия может лишь слегка замедлить процесс — и не более. Хотя в виде редчайшего казуса в мировой практике имелись единичные наблюдения, когда иммунная система восстанавливала контроль над ситуацией и происходило самоизлечение от рака. «Единичные» и «в мировой» — это ключевые слова. Никто из обычных практикующих онкологов такого не наблюдал и на подобную казуистику ссылаться не любит. Шанс стать миллионером, играя в лотерею, во много раз выше, чем самоизлечение от рака.

Вернулся доктор Кузнецов из Ленинграда, взял дома немного спиртяшки и пошёл в гости к другу Райтсману. Несколько дубовая советская медицинская этика предписывала диагноз онкологического заболевания от самого больного скрывать, обнадёживая бедняг всякой лажей. Диагноз надлежало сообщать только ближайшим родственникам в строго конфиденциальной форме. Но Райтсман был друг и врач — не мог Кузнецов ему врать. Опять же впервые в жизни наплевал он на медицинскую этику. Разлил спиртик и на вопрос «А мне можно?» ответил прямо: «Тебе, брат, теперь всё можно. Неоперабельная аденокарцинома у тебя, друг ты мой милый. Новый год нам вместе уже не встретить, да и на охоту не сходить. Счёт, в лучшем случае, на месяцы. Приведи дела и душу в порядок, чему быть — того не

миновать. Как друга, мучить ни тебя, ни твою семью я не собираюсь — не будет ни радио-, ни химиотерапии. Не нравится — иди к другому специалисту. В твоём случае чем скорее, тем лучше. Обезболивающих, транквилизаторов и любой другой дряни получишь столько, сколько захочешь. Одно дополнительное средство тебе лишь посоветую — пей побольше гранатового сока. Лечить не лечит, но слизистую слегка дубит, — по моим наблюдениям, лучшая добавка в диету при таких случаях».

Доктор Райтсман вздохнул и сказал, что обо всём догадался ещё на кузнецовской кровати в новогодний вечер. Поблагодарил за правду и дружеское участие. К ситуации отнёсся философски — хоть и был он евреем без иудаизма, но и марксистско-ленинскую философию не ценил. Пора — значит пора. Посмотрим, что лежит за чертой, откуда не возвращаются. Дети подросли, жена в торговле крутится — вытянет. Стал он спокойным и уравновешенным. Сам составил список препаратов, которые посчитал нужными, и моментально получил на всё кузнецовские красные рецепты со специальными печатями для доставки на дом. Позвал жену. Попросил не плакать, всё ей рассказал и велел весь Выборгпродторг перерыть и притащить домой десять ящиков гранатового сока. Напоследок обнял по-братски доктора Кузнецова и попросил к нему больше не заходить, пока сам не позовёт. А позовёт, когда боли нестерпимыми станут. А пока не стали — отложит доктор все дела, прочитает то, что не дочитал, простит тех, кого не простил, а между делами займётся обычным созерцанием окружающей реальности, наблюдать которую осталось недолго. Поэтому такая вот друже-

ская просьба — не беспокоить. Других знакомых доктор Райтсман собирался оповестить позже. Выпили друзья по прощальному стопарику, и ушёл доктор Кузнецов домой. А дома впервые со студенческих лет нажрался вдрабадан.

Проходят месяцы. Доктор Райтсман не звонит. Мадам Кузнецова как-то пыталась набрать номер Райтсманов, за что получала по рукам от мужа, никогда подобного себе не позволявшего. Желание друга было святым. Подошла осень, охотничий сезон в разгаре. В лесу красота, заветные места лежат под жёлто-красным одеялом. Только без друга не тянет больше Кузнецова на охоту...

Вдруг в ночь с пятницы на субботу звонит Райтсман. На охоту зовёт. Вроде как вчера с Кузнецовым расстался. Ну, у онколога сразу только одна мысль в голове — всё, метастазы в мозгу, бред начался. Осторожно начинает выяснять состояние больного. Райтсман в ответ смеётся бодрым голосом: «Да нормальное состояние. Курить бросил, по утрам бегаю, вчера только из леса вернулся, хорошие места нашёл, где дичи много, а охотников мало. Поехали, не пожалеешь! Болей давно нет, бредом не страдаю. Короче, садись набивать патронташ, а утром ко мне».

Не верит Кузнецов, но всё же собирается на охоту. Если с другом плохо, как его семье врать и извиняться, что зашёл навестить не вовремя, да ещё в дурацкой охотничьей экипировке?

Утро. Как много раз до этого, стоит Кузнецов перед квартирой друга. Звонить нельзя — давнишний уговор: родственников не будить. Дверь должна быть не закрыта. Точно, не заперта. В прихожей свет. На тумбочке

сидит довольный Райтсман и натягивает сапоги. Рядом ружьё и рюкзачок. Палец к губам — не шуми, все спят. Друзья выходят на лестницу. Райтсман запирает дверь и быстро сбегает на улицу. За ним ничего не понимающий Кузнецов. Поведение абсолютно нормальное, в смысле абсолютно странное — поведение здорового сорокалетнего мужика в отличной физической форме. «На электричку опаздываем, давай бегом». У курящего Кузнецова одышка, у некурящего и бегающего по утрам Райтсмана — нет. Сели в электричку.

— Всё, Райтсман, хватит загадок — рассказывай всё подробно. Что делал и как себя чувствуешь?

— Чувствую себя прекрасно, а что делал... Что ты сказал, то и делал. Ничего не делал, гранатовый сок пил!

Нужная остановка. Друзья идут в лес. Хорошее место Райтсман нашёл — рябчик есть. дождался доктор Кузнецов первого дуплета доктора Райтсмана, подошёл к другу вплотную и разрядил свой двенадцатый калибр ему в область сердца. Потом достал охотничий нож, труп раздел и провёл профессиональное вскрытие с полным извлечением органокомплекса от языка до ануса. Только череп вскрыл непрофессионально — циркулярной пилы не было. Пришлось топориком поработать. Правду говорил доктор Райтсман — рак рассосался!

После этого доктор Кузнецов разобрал своё и Райтсманово ружьё, забрал патронташи, труп прикрыл плащом и хорошенько запомнил место. А дальше сел в электричку и поехал в город Выборг. В Выборге сразу пришёл в привокзальное отделение милиции, сдал ружьё и рассказал всю историю...

Занималась бы этим делом только Выборгская прокуратура, кабы его КГБ по особому статусу не провело. Местный следак по особо важным решил, что доктор Кузнецов открыл средство от рака — гранатовый сок. Ну и привлекла гэбуха Военно-медицинскую академию по полной секретной программе. Ведь если действительно всё дело в гранатовом соке, то государственный доход в чистой валюте с подобной разработки может и нефтяной переплюнуть! Делов-то — выделить действующее начало и запатентовать препарат. Судеб-ка, патанатомия, фармакология, токсикология и куча других кафедр привлекались. Гранатовый сок подвергали всесторонним анализам — ничего специфического не обнаружили. По всему Союзу тонны гранатового сока в чистом виде были выданы онкологическим больным — тоже никакого эф- фекта. Тело Райтсмана основательно изучалось всеми возможными методиками. Нашли — зажившие рубцы от опухоли и метастазов. Не нашли — ни одной раковой клетки и причины исцеления.

Доктору Кузнецову прижизненного золотого памятника не воздвигнуто. По слухам, на суде он для себя попросил высшую меру и никаких прошений о помиловании не подавал.

Биологическая химера

Судмедэксперты, как видно по самому составу этого слова, — это медицинские эксперты для суда. Чаше всего им приходится разбирать дела криминальные, но иногда случается и гражданским тяжбам пособить.

Особенно когда гражданские иски предъявляют друг к другу люди состоятельные, обложенные с обеих сторон кодлой дорогуших адвокатов. В этих случаях работа в основном идёт на адвокатскую экспертизу. Подвернулась такая шабашка — считай повезло! Ни тебе вскрытий, ни эксгумаций, ни следственного эксперимента — труд в основном лабораторно-кабинетный, не тяжёлый, а главное — хорошо оплачиваемый. Чем толще кошельки вовлечённых сторон, тем больше адвокаты выделяют на экспертизу — повторную, заключительную, альтернативную... Абы клиентские деньги тратить. Им же с этого тоже оплачиваемые часы набегают!

В тот раз гражданский иск был совсем неинтересный — по поводу банального развода. Отгремела перестройка, развалился Союз нерушимый, и расцвела пышным цветом жизнь «новых русских». А у «новых русских», кроме картин на стенах и коньяка в баре, которые должны быть очень старыми, всё остальное должно быть исключительно новое. Жена тоже. Новая, молодая, модельно-показная. Однако старые жёны «новых русских» зачастую не были такими уж дурами и весьма лихо отпиливали от мужниного состояния довольно приличные куски. Причём при таких бракоразводных процессах адвокаты не просто старались поделить собственность, но и по максимуму выбить на содержание детей, не ограничиваясь алиментами. В ход шло всё «совместно нажитое» — движимость и недвижимость, паи и акции, целевые и депозитные счета в банках, контрактные сметы на образование, на отдых и ещё много-много чего. И когда эти «мелочи» начинали зашкаливать за шесть нулей в твёрдой валюте, папочка

частенько требовал подтверждения отцовства. А вот это уже по судебно-экспертной линии.

Раньше это делалось почти на глазок — доказывали по группам крови и резус-фактору. Выходили чахленькие вероятности, хорошо ещё, если один к двадцати, а то ведь и один к трём бывало. Если говорить вульгарно-статистически, измени бывшая жена хоть с двадцатью мужиками — всё равно будет вероятно рождение такого ребёночка. То есть ребёночка чужого, но с такой же комбинацией главных эритроцитарных антигенов. Поэтому и анализы проводили не для подтверждения, а для исключения отцовства. С такой вероятностью ничего подтвердить нельзя.

К концу 70-х это безобразие поправили — понаоткрывали тонких различий в антигенах, установили аллельные закономерности их наследования, и вероятности отцовства стали выражаться в трёхзначных цифрах. Уже кое-что. В 80-х пришла мода на лейкоциты, на так называемую систему HLA (human leukocyte antigen), и вероятность отцовства подскочила ещё на порядок. А потом пришла эра ДНК-анализа. Здесь уже отпираться стало совсем бесполезно — стопроцентное подтверждение. Вероятность — один к куче квадриллионов, нули писать устанешь; за всю историю на планете всех людей в тысячи раз меньше жило, даже если австралопитеков пересчитать.

Риткины адвокаты, точнее, уже не Риткины, а Маргариты Петровны — старой жены «нового русского», понятное дело, работали под приличный процент с конечной суммы, которую удастся отсудить. Вроде как в долг пока, в таких случаях их контора — сама сострадательность, это же вам не нищего подростка от